

На этих днях в нашем доме — неслышный гость. «Неделю» навесил давний друг редакции, известный гармонист, руководитель ансамбля народной музыки «Частушка», композитор, сценарист, заслуженный артист РСФСР Геннадий Дмитриевич ЗАВОЛОКИН.

О братьях-сибиряках Заволокиных наш еженедельник некогда писал: с той поры минули годы, у братьев вышло несколько фольклорных сборников, они объездили всю страну; постепенно определилось лидерство Геннадия (Александр предпочел вторые роли, не случайно выдвинутого на соискание Государственной премии РСФСР 1990 года за создание концертных программ и цикла телепередач «Играй, гармонь!»).

Геннадий Дмитриевич явился, чтобы поделиться новостью и радостью. Только что в Иванове состоялся Первый всероссийский «конгресс» («Назвал бы съездом, но сейчас более значительные съезды проходят, не могу приравнять») гармонистов. Сотни мастеров трехрады из разных областей и автономной федерации, посославшись в виртуозности исполнения, выбрали Всероссийский совет гармонистов, а председателем в нем («Президентом, лучше звучит») — Г. Заволокина.

— Но это не все! — сверкая взглядом, рассказывает гость. — Вот сейчас, десять минут назад, позвонил режиссеру Юрию Шиллеру — просто так, поздороваться, и он меня ошеломил: на международном фестивале «Золотое руно» в Грузии фильм «Плясуны», который мы снимали по моему сценарию, получил специальный приз.

в нашем доме

ПРЕЗИДЕНТ ЧАСТУШКИ И ГАРМОНИ

— Но и ваш фильм «Гармонисты» не прошел незамеченным. Судя по всему, жива частушка, благоденствует?

— А что, неумирающий жанр! Самый доступный. Спеть частушку может каждый, сочинить — почти каждый. Частушка людям жить помогает. Были мы недавно в вологодских краях, в городке Шексна; живут там в деревянном домике-пятистенке старики Балагуровы. Надо заметить, Иван Семенович Балагуров — знаменитый гармонист. Он сказал: «Гармонь — лекарство душевное. Заболевает моя бабушка — я ей играю, глядишь, она и встала».

— А вы, значит, всю жизнь на колесах?

— То на колесах, то на крыльях. Привежем, вывешиваем объявление: «Вход с гармошкой бесплатный». Кто желает с нами состязаться, вход! Кабы вы знали, какие умельцы участвуют в этих импровизированных турнирах... А бывает, предложу собравшимся: «Чего сидеть, давайте спляшем!» Конечно, не сразу, сперва отстесняются, потом выходят — и дают «подгорную», «цыганочку», «барыню», «яблочко», «русский перепляс»...

— Состязающиеся, наверно, пополняют вашу частушечную копилку?

— Еще как пополняют. Тут в Усть-Лабинске соперничали; так они спели нам с вызовом: «Братья Заволокины, не порвите нас на куски, все равно обставят в песнях вас кубанцы-казак!» Но и мы в долгу не остаемся. Я специально задираю аудиторию, чтобы почувствовала себя

раскованно и захотела сочинять, импровизировать. Дело тонкое, прямо скажем: ты — один на эстраде, перед тобой 5—6 тысяч человек. Только не надо «возглавлять» веселье, тогда оно получится действительно веселым.

Терпеть не могу «праздники под мегафоны», когда массовики-затейники выкрикивают команды, а «народ», заранее наряженный в костюмы из фольклорной костюмерной, изображает «народное творчество» — что в натуре, что по телевизору. На настоящих деревенских вечерах мегафонов сроду не бывало.

— Структура и мелодия частушки как-либо трансформируются, развиваются?

— Да нет. И, пожалуй, не для чего им видоизменяться. Как привыкли люди, так пускай и поют. Вот содержание, лексика меняются, обновляются. Ну, например: «Оборву я всю сирень, посажу акацию... Раньше верила в любовь, теперь — в консолидацию...» Частушка с подковыром. Или: «Мы пропели б вам частушку, под гармошку, с критикой. Но и без нас народ запутан внутренней политикой...».

— Однако, какие подарки преподносят вам импровизаторы на местах. Щедро!

— У народа этого добра много, он не жмется. Больше ста тысяч частушек теперь у меня собрано. А помните, в 1985-м было всего двадцать тысяч... Результат поездок, а их у ансамбля много — за месяц в семи местах бываем. Краснодар, Тобольск, озеро Байкал, Находка... А слышали, в 1988-м «Играй, гармонь!» де-

монстрировали Америке (в рамках Недели советского телевидения), а потом опрос показал, что именно эта передача особенно хорошо воспринята американскими зрителями.

— Скажите честно, матерные частушки могут у вас прозвучать?

— Ни в жизнь. И потому мне решительно не понравился фильм «Частушка XX века», снятый свердловчанами: там в открытую звучат нецензурные выражения. Главное, они ни к чему: юмора матерщина отнюдь не добавляет частушке... У нас есть припевки, как бы сказать, пикантные; но непечальные слова — ни в коем случае. Павел Флоренский писал: «В народной частушке эротика — не страсть, а скорее забава». То есть «это самое» никогда в подлинной частушке не смаковалось, а лишь служило усмешению.

— Довольны своим сотрудничеством с Центральным телевидением?

— Не шибко. Все-таки к гармонистам и частушечникам там относятся чуть-чуть свысока. Как бы не к настоящему искусству, а к какому-то реликту. Не дают развернуться, редко пускают в эфир.

— Ну, а как вообще жизнь?

— Полный раздрызг: только бы не опоздать на поезд или на самолет. В 1989 году дома был в общей сложности две недели. В 1990-м — ни дня.

— И куда теперь?

— Минутный передых — и в Приморье. Не забудьте, у издательства «Искусство» в плане 1991 года моя книга «Играй, гармонь!». Получите с автографом.

Интервью взял
Эдуард ЦЕРКОВЕР.